

Н. А. ПОЛЕВОЙ

*Избранная
историческая проза*

Николай Алексеевич Полевой

Пир Святослава Игоревича, князя киевского

Николай Алексеевич Полевой (1796–1846) — критик, теоретик романтизма, прозаик, историк, издатель журнала "Московский телеграф" (1825–1834).

Творчество писателя, журналиста, историка Н.А.Полевого (1796-1846) хорошо знакомо читателю. Настоящее издание включает исторический роман "Клятва при гробе Господнем", "Повесть о Симеоне, Суздальском князе" и византийские легенды.

Содержание

#1	0005
ПИР СВЯТОСЛАВА ИГОРЕВИЧА, КНЯЗЯ КИЕВСКОГО	0005
КОММЕНТАРИИ	0060
#1	0060
СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ	0071

ПИР СВЯТОСЛАВА ИГОРЕВИЧА, КНЯЗЯ КИЕВСКОГО

Трудно перенестись в прошедшее, так же трудно, как предугадать будущее. Стоя на утесе, который называют настоящим, не видит ли человек со всех сторон вокруг себя обширного океана бытия, не различает ли на нем разнообразных волн, но что же их разнообразие? Минута, и они изменились, и новые мчатся вслед их; волна прошедшего, катившаяся горою, рассыпалась; волна будущего подьмется, холмится, рассыпается, уходит — и снова однообразно в разнообразии, море бытия кипит, волнуется: где его деление? где пределы, где грани волн? Кто выхватит одну, из среды их, оледенит, окаменит ее и бросит перед наблюдающие взоры человека? Печальным памятником минувшего носятся на хребтах волн только остатки разбитых ими ладей и кораблей человеческих, трупы бытия. Были и нет, жили и ушли — вот все, что говорят они памяти.

Обширные страны на север от Черного моря, по воле греческих географов принимавшие имена Гипербореи, Скифии, Сарматии, не уподобляются ли такому океану? Будем ли мы читать повествование о них, будем ли бродить по степям Дона и Днепра и в мелких подробностях бытия настоящего искать следов минувшего, не такой ли океан они, сии страны?

Уничтожьте нынешние города и жилища наши на сих степях, удалите все, что гнездится теперь на них. Пусть дичь и пустыня раздвинутся от берегов Черного моря к Волге и за Днепр, пусть зарастут они древними, дремучими лесами, испестрятся степями, на которых вековечно белеют разливы ковыля и темнеют острова бурьяна. Пусть только волны рек льются между пустынями и плещутся, как плескались они за тысячелетия своими серебристыми волнами. Пусть воображение ваше вещью птичкою пролетит после того через века и остановится на том времени, когда еще ни вольный казак, ни угрюмый сын Азии татарин не жили и не кочевали тут; греческие города лежали видимыми обломками на

берегах Черного моря; хазарские города дымились в недавнем разрушении от меча русского; воды Днепра отражали в себе вежи и шалаши дикарей азийских, бедные жилища славян и городки норманнов.

Там, где впоследствии раздвинулся обширный Киев и возвысились золотоголовые церкви его, на высоком берегу днепровском стоял тогда деревянный кремник, или городок норманнский, — четыре деревянные стены, срубленные из толстых бревен, с небольшими башнями по углам, с двумя крепкими воротами, с непрерывною стражею у ворот и на стенах. Палисад из заостренных, толстых кольев составлял внешнее укрепление городка, простираясь извилинами далее стен, из-за которых видны были вышки княжеских теремов, переходы и сени, покрытые гонтом, или драпью. Городок был обширен; в нем помещались дворец княжеский, дворцы княжичей, жилища избранной дружины, вельмож и бояр, казнохранилища, оружейные, конюшни для лошадей князя и дружины его. Незаселенная равнина отделяла городок от хижин, рассеянных далее, разбросанных беспорядочно-

ми толпами, между коими извивались узкие, неровные улицы и переулки. Дома состояли из мазанок, из срубов с маленькими окошками, даже из землянок; они были покрыты дранью, соломою, дерном; иные огорожены плетнем, большая часть без огорожки, только с закутою. Между ними в некоторых местах находились высокие терема богатых гостей и вящих людей, сии терема были в два этажа, состояли из многих небольших, отдельных срубов, соединенных переходами или сенями; в нижних этажах обыкновенно находились кладовые, и такой двор обносился вокруг заплотом, или плетнем, с сараями вокруг плетня. На другом конце сего неправильного, беспорядочного народонаселения, заключавшего в себе несколько тысяч теремов, домов и землянок, находился чудный двор княгини Ольги, составлявший предмет удивления киевлян, потому что терем во дворе был каменный: четыре толстые стены, складенные из кирпича, с узкими, маленькими окнами, обмазанные по штукатурке красною краскою. С множеством разных деревянных строений, каменный терем сей окружался палисадни-

ком и походил на городок, только не видно было при нем ни башенок, ни стражи. К Днепру, вниз по горе, к пристани, где стояло множество лодок, разбросаны были кузницы, бани, балаганы. Со вскрытием Днепра начиналась в Киеве настоящая ярмарка и продолжалась все лето. Все окрестные племена славян плыли тогда в Киев, одни с данью великому князю, другие с товаром — мехами, кожами, воском, медом. Тысячи народа толпились тогда целые дни по берегу днепровскому. Днепр покрывался ладьями, лодками, челноками, плотами. Тут были новгородцы с заморскими товарами северных стран; купцы гречины, то есть торговавшие в Греции и отправлявшиеся в Царьград и Херсон весною, а возвращавшиеся осенью. Сюда приезжали печенеги и половцы, с конскими табунами, множеством невольников и невольниц. Русских отдавали они на выкуп, иноплеменных продавали киевлянам. Важный торг производился сим товаром из Киева в Грецию. Купцы хазарские приплывали в Киев с драгоценными произведениями Востока, жемчугом и пряностями, которые шли к ним из Индии, Персии, Буха-

ры. Словом, берег Днепра с начала весны до глубокой осени представлял живую, пеструю, шумную картину деятельности, где тысячи временных строений, примосток, балаганов служили пристанищем торговле и жилищем для пришельцев с севера, юга, востока и запада.

Тут вы увидели бы одетого звериною кожей печенега, блестящего броней варяга княжеской дружины, добродушного полянина в его суконной свите, валяном колпаке и лаптях, византийского или херсонского грека, в его полуазиатской одежде, хазара, в его чалме и широком кафтане. Здесь тянулись рядами лубочные балаганы, где разложен был всякий товар; там ряд балаганов, завешенных рогожками, представлял множество харчевен и гостиниц, где пекли, варили, жарили, и на открытом воздухе толпы народа ели кисель, блины, лепешки, пирожки, пироги; за ними находилась загородка, где печенежские невольники и невольницы, связанные парами, лежали и сидели в беспорядке, и по слову хищного хозяина своего должны были показывать себя покупателям; далее была коно-

вязь, где тысячи лошадей угорских, хазарских, печенежских ожидали купцов. Вечером, когда корыстолюбие уставало от дневной суеты, по берегу и в лодках на Днепре зажигались тысячи огней. Являлись славянские скоморохи с гудками и гусями, пели, плясали. Печенеги садились вокруг котлов, и у них раздавалось унылое, однообразное пение, сопровождаемое звуками какой-нибудь кобзы. Круг хазар, сидевших около своего огня, оживлял какой-нибудь рассказчик, прерываемый по временам восклицаниями слушателей. Славянские люди собирались в такое время подле обжорных балаганов, где продавали крепкий мед и пиво. Там слушали они песни скоморохов, хохотали, смотря на прыжки их, пили, гуляли "спустя рукава", как говорится по русской поговорке — Руси есть веселье пити. Веселье беспрестанно прерывалось дракою, а драка оканчивалась новою попойкою...

Таков был Киев в то время, когда идет наше повествование, Киев, под властью Святослава, говорившего: Не любо ми есть в Киеве жити.

Солнце закатывалось за днепровские леса, со всех сторон окружавшие Киев и покрывавшие нагорную сторону своею угрюмою тенью, когда из-за мыса Угорского выплыло несколько больших ладей. Впереди в одной ладье сидело несколько княжеских воинов, одетых в русские брони. Затем следовала другая ладья, и в ней было человек двадцать воинов греческих; на носу стояли два человека в богатой греческой одежде. Один из них устремил взор на Киев, перекрестился и сказал другому:

"Слава Федору Стратилату! Он исполнил мою молитву — мы доехали благополучно. Вот Киев!"

— Где? — спросил его товарищ.

"Вот он! — Говоривший указал на шумное сборище народа по берегу днепровскому, городок, дома и строения киевские. — Вот городок, жилище скифского медведя Сфендослава и красный терем Ольги. Вот Угорский мыс, где убили первых князей киевских Аскольда и Дира. Вдалеке, что высокий холм — Олегова могила на горе Щековице. Туда влево Бирючев холм, где стоит болван проклятого бога их

Перуна. Тут речка Почайна, а там вдали находится православная церковь наша святого пророка Илии — только одна церковь православная!" — Он еще раз перекрестился.

— Ах! Калокир, — промолвил другой, — скажи: отчего тяжкая грусть обнимает сердце мое, когда ты сказал мне, что мы приплыли в Киев? Кажется, будто вещует оно, что мне уже не выехать из здешних варварских стран!

"Почему же, Михаил?" — спросил его Калокир (то был юный патриций, которого император Никифор отправил послом к Святославу).

— Едва только вообразу я себе, какой тяжкий, отдаленный путь совершили мы, как били нас волны эвксинские, как потом плыли мы по Днепру среди дремучих лесов, бесконечных степей, под стрелами печенегов — и страшные пороги... и варварский город, где мы будем преданы воле и произволу варвара скифа... О наш славный Царьград, наша славная Византия! О моя милая подруга...

"Есть о чем горевать! Право, когда речь о девушках, здешние скифянки чуть ли не луч-

ше наших чопорных гречанок — их загорелые, румяные щечки я не отдам за мазаные щеки греческие. Если ты боишься за жизнь свою — будь спокоен: ты здесь безопаснее, нежели в Греции. Знаешь ли ты, что такое право гостеприимства в здешней варварской стороне?"

— То же, что в Аравии?

"Еще более, потому что здесь ты можешь купить его. Печенег и русс при первой встрече сорвут с тебя голову, но договорись с ними, заплати им, они положат свои головы за твою. А сверх того, вот с этою золотою гривною, знаком нашего посольства, мы безопасно можем ночевать в лесу, в орде печенегов и в лагере русском. Вечное бесчестие преследует из рода в род того, кто убьет здесь посла: их не секут, не рубят!"

— А не посла, следовательно, и секут, и рубят?

"Исключая гостей, у которых серебряная гривна на груди лучше всякого щита и покрова. Я не знаю, Михаил, кроме православной веры, право, не знаю, где лучше и с кем лучше жить: с здешними ли варварами или с на-

шими просвещенными греками? Если бы к нашей вере да русская правда и удалость..."

— Правда, которая привешена на копье и стережет проходящего, как разбойница! Ты слишком пристрастен к твоим варварам, Калокир!

"Может быть, потому что я родился и вырос между ними и никак еще не применюсь к нашей греческой правде. Боже сохрани, Михаил, если Господь просветит скифские народы православием и они кое-чему понаучатся..."

— Что же?

"Они сдвинут тогда наш Царьград в море, и кто знает, что в будущих веках здешние варварские страны не образуют такого царства, которое коснется востока и запада? Оно будет непобедимо, Михаил — ты еще не видывал скифских варваров в битвах..."

— Храбрость — добродетель дикого зверя.

"А добродетель человека неужели трусость?"

— Разумеется, ум научает нас беречь жизнь свою.

"Ох! ум научил нас столь многому — и

вряд ли самая глупость не дочь его..."

— Но мне смешно подумать, что какой-нибудь Царьград станет со временем на месте Киева; что на скифском языке станут повторять святые наши песнопения; что у русских будут свои Омиры и Иродоты и восхитят своими писаниями на варварском своем языке...

"Но кто знает будущее, Михаил! Я расскажу тебе даже одно, предание, которое передал мне наш греческий священник; находившийся при Ольге. Знаешь ли, что Святой апостол Андрей странствовал здесь, воздвиг крест на горах Киевских, благословил их и рек: "На сих горах воссияет благодать Божия, будет град великий и многие церкви Бог воздвигнет"?"

— Андрей Первозванный?

"И кто же после сего ведает, что киевским скифам не суждено первозвание среди всех народов и что славянин не займет даже престола Цареградского — по крайней мере не укажет смелою рукою, кому сидеть на императорском престоле..."

— Что ты говоришь?

"Ах! Я забылся... — сказал Калокир, — ты заговорил меня".

— Калокир!

"Михаил!"

— Если я не обманываюсь... Твои речи, столько раз начатые тобою...

"Что же из того следует?" — спросил Калокир с замешательством.

— Мы поговорим с тобой после. Слышишь...

Звук труб, раздавшийся в передней, ладье, прервал разговор. Трубным звуком княжеские воины давали знать о своем приближении.

С берега раздался ответный звук. Отряд воинов стройно спускался из городка навстречу. Народ, будто дикие козы, столпился на пристани, где причалили ладьи греческих послов. Едва палками могли очистить дорогу меж толпою для послов. Калокир, Михаил, товарищи их вышли из ладей. Отряд княжеский приблизился к ним. Впереди отряда ехал старый воин — то был воевода Святослава, Свенельд. Он и товарищи его сошли с лошадей.

— Великий князь Киевский Святослав через меня, Свенельда, вождя княжеского, при-

ветствует тебя, посла греческого Калокира, и желает тебе здравия.

"Император и повелитель Царьграда и всего Востока благодарит великого князя Киевского за привет его, а я, как посол, представляю тебе, Свёнельд, воевода княжеский, мою доверенную хартию и показываю золотую печать, знак моего посольства, требуя у вас гостеприимства, хлеба и соли".

Свенельд подал ему руку.

— Отныне ты гость наш, и князь наш ручается за твою безопасность и определяет тебе посольское, на все твое пребывание в Киеве, хлеб, вино, мясо, рыбу и овощи. — Они взаимно поклонились. — Теперь, — сказал Свенельд, — позволь мне обнять не посла греческого, но старого знакомого и друга. Приветствую тебя, Калокир, да сохранит тебя Перун и Волос! Князь Святослав просит тебя в гости не как посла, но как старого знакомого, бывалого человека в нашей Русской земле, ратного соратника на полях Булгарии. Твои воины будут угощены и приняты в княжеском дворе, а ты поедешь со мною к Святославу.

"Где же найдем мы князя?"

— Там, где воину и князю прилично быть, если он не в битве: князь травит свирепого зверя, появившегося в Хоревецком лесу; его загнали в облаву, и только встреча тебя удержала меня в городе. Давно не видывали у нас зверя такого свирепого и страшного... Поспешим застать травлю.

Калокиру подвели лошадь. Он, Михаил и еще три или четыре грека поехали за Свенельдом. Они повернули от городка вправо и поскакали по дорожке, проложенной в дремучем лесу Хоревецком. Солнце село за лес и горы, когда всадники выехали на обширную поляну, окруженную вековыми дубами. Тут представился взорам их охотничий табор Святослава. Еще издалека слышали они звуки труб и рожков, стократным отголоском повторившиеся по лесу.

Посредине поляны зажжен был огромный костер; дубы и вязы, целиком под корень подрубленные, с их обширными ветвями, как стояли в лесу, так и брошены были в огонь, и зарево от них разливалось по окрестным деревьям. Богатые греческие ковры, войлоки, шкуры зверей набросаны были по всей поля-

не; над некоторыми, на воткнутых в землю копьях, растянуты были легкие ткани, сшитые в виде полстей, и составляли навесы. Сосуды золотые, серебряные, глиняные, деревянные были расставлены повсюду без разбора; дорогая чаша греческая стояла подле деревянного жбана и глиняный горшок печенежский подле богатой, старинной вазы. Тут вокруг огня, на коврах и постилках в беспорядке, лежали и сидели собеседники — воины, бояре, отроки княжеские, князья, варяги, пришельцы из Скандинавии, вольные искатели странствований и приключений, печенежские ханы и воины. Усталые, расседланные кони были расставлены по краям поляны. Повара княжеские готовили кушанье — жарили добычу, доставшуюся в тот день; шумная попойка шла кругом; голоса разговаривавших собеседников сливались в одном месте с песнями; в другом раздавались восклицания воинов, которые заняты были воинскими играми. Там звучала труба; здесь били в бубны. Число всех находившихся на поляне, участвовавших в беседе и охоте княжеской, простиралось до трех или четырех сот человек.

Среди шумной, многочисленной, разнообразной беседы находился сам Святослав. Он небрежно лежал на медвежьей полсти; бархатная подушка, брошенная на дорогое седло, поддерживала руку, на которую наклонена была голова его; против него, на длинном железном вертеле, жарили знаменитую жертву охоты того дня — свирепого кабана, незваного гостя Хоревицких лесов.

Михаил любопытно устремил взоры свои на Сфендослава, о котором так много слышал в Царьграде и Херсоне. Святослав казался человеком среднего роста, но жилистые руки его, огромная голова, широкие плечи показывали необычайную силу его. Лицо князя было смуглое, загорелое, суровое, и суровость умножали еще длинные, рыжие усы, висевшие с верхней губы; голубые глаза его выражали задумчивость; улыбка, казалось, не была привычною гостьею на его устах, ограниченных с обеих сторон щек двумя глубокими морщинами; бархатная, вышитая жемчугом шапочка была надета на его бритую голову, и только клоч рыжих волос виден был из-под нее, закинутый за ухо. В одном ухе продета у него

огромная золотая серьга с дорогим красным яхонтом и двумя жемчужинами. Одежда его состояла из простого суконного полукафтаны; ни золота, ни серебра не было на его ремennom поясе — только два кинжала были заткнуты за пояс. В стороне стояли три отрока княжеские и стерегли его шлем, его копье, меч, бурку, щит, сложенные в виде сайдака, или трофея. Несколько печенегов, варягов, русских и славянских вождей сидели вокруг Святослава, в некотором отдалении, на богатых коврах; перед каждым из них стояли сосуды с вином и медом; все шумно говорили и спорили — Святослав ничего не пил, ничего не говорил. Он глядел на вепря, жаримого перед ним. По обе стороны его сидели два юные княжича, сыновья его.

Никто не обратил внимания на Калокира, Михаила и товарищей их, когда они, оставя лошадей своих, приблизились к Святославу, предшествуемые Свенельдом.

"Добро пожаловать, старый товарищ и гость мой! — сказал Святослав, протягивая руку Калокиру, но не трогаясь с своего места. — Ты простишь меня, что я не встаю и не при-

ветствую тебя, как водится у вас в Греции, — устал, возившись вот с этим проклятым зубарем (он указал на вепря), а притом теперь ты в гостях не у Киевского князя, но у доброго охотника. Обряду будет место после. Садись и будь гость мой!"

Бархатную подушку принесли Калокиру. Он сел подле князя. Товарищи его стали в отдалении.

"Свенельд! Садись к нам и вели Братиславу угощать товарищей моего друга Калокира. Он умеет убаюкивать жажду и усталость гостей".

Михаила и других греков повели под один из навесов, посадили на мягкие подушки и начали потчевать.

— Радуюсь, князь Святослав, что вижу тебя здорового, и желаю тебе всякого блага в здешней и будущей жизни.

"Благодарю, старый товарищ. Здорового ты меня видишь, но только не столь веселого, как тогда в Переславце, на берегах Дуная".

— Я знаю, князь, что тебя удручает скорбь тяжкая о кончине твоей почтенной родительницы Ольги, столь справедливо названной Премудрою.

"Да, мать моя скончалась, — угрюмо произнес Святослав. Он помолчал несколько мгновений. — Смерть не беда — умереть всякому надобно, только бы умереть хорошо и не быть рабом в веке будущем. Старым людям надобно совесть знать и очищать место молодым. В свете и без того так тесно, что потянуться негде — право, тесно, добрый приятель! — Едва заметная улыбка мелькнула на устах Святослава. — А душа просит воли и раздолья — растягивайся здесь на пустой степи да в лесу — столкнешься с печенегом, шкура которого не стоит труда, чтобы содрать ее... Ох! берега Дуная и раздольный мой Переяславец Дунайский!"

Он опять замолчал и через несколько мгновений спросил у Калокира:

"Ну, скажи, где был ты после того времени, когда мы расстались с тобою?"

— Оставя тебя победителем Булгарского царства, я отправился донести о подвигах твоих моему императору Никифору и был в Царьграде.

"Что же? Благодарил ли меня Никифор за мои подвиги?"

— Я не имею права высказывать тебе, князь, тайн императора моего. Буду говорить тебе, как Киевскому князю, когда предстану пред тебя, как посол императора Греческого.

"Ты прав, Калокир, — я и забыл, что людям надобно два языка. Я все еще не отвыкну от наших обычаев говорить одним языком. А Булгарии пора бы выучить меня двоязычию!"

— Я слышал о славной победе, какую одержал ты, князь, по возвращении своем в Киев над печенежскими ордами.

"Да, они теперь стали друзьями моими — посмотри, как дружно пируют они с нами, злые печенежские хановья, когда я проучил их порядком! Клянусь Чернобогом и Белобогом, что с людьми нельзя прожить без дубины: иначе добра не добудешь ни себе, ни им; его надобно выколачивать дубиною! Подумай, что они, дикое стадо волков, забыли о существовании Святослава и хотели съесть моих цыплят, когда меня не было! — А кстати, Калокир, ты еще не знаешь детей моих. Они жили с бабушкой, когда ты гостил у меня в Киеве. Ярополк и Олег, приветствуйте моего гостя".

Двое молодых юношей, сидевших подле Святослава, встали и протянули руки Калокиру.

— Ты видишь еще не закаленные мечи, Калокир, и — жаль, что я не знал, как вредна бывает бабья беседа молодым ребятам! В лета моего Ярополка я уже рассчитывался с вятичами и радимичами. А где мой Владимир? Гей, Владимир!

Прекрасный юноша с мужественным благородным лицом подошел к Святославу.

— Вот память, что осталась мне от моей красавицы Малуши — дитя, которое вспыхнуло, как лен на огне, и похоже на огонь, горевший в очах его матери!

Калокир заметил завистливый взгляд Ярополка и Олега, украдкою брошенный ими на Владимира, и гордый взор, которым отвечал им Владимир.

Шум, усилившийся между собеседниками, привлек в то время внимание Святослава и Калокира. Слышны были в одно время норманнские, славянские и печенежские голоса.

— Что у вас там сделалось? — утрюмо спросил Святослав, поднимаясь немного и обра-

щаясь к шумевшим гостям.

Несколько бояр, воевод Святослава, норманнских воинов и Печенежских ханов вскочили и бросились к Святославу.

"Рассуди нас, князь, — сказал один из норманнов, — Вот твой гость, хан Печенежский, уверяет, что все наши силачи и твои варяги не стоят его избранной дружины..."

— Нет! я не то говорю, северный человек, — возразил хан. — Есть молодцы из всех, из славян и из русских, но если на выбор пошло — наш брат печенег всегда утрет нос каждому из вас. Против моей избранной дружины вам не стать. Выбирайте ухо на ухо, сотня на сотню — размычем мы вас, как сухой ковыль по полю веют ветры осенние!

"Хан дурень! — воскликнул один из богатырей Святослава, — тебе ли спорить? Видать, твоим печенегам не удавалось и во сне, что наяву мы видали! На легкой ладье среди ледяного моря плавал ли твой печенег? Перетаскивал ли он ее на плечах по лесу для того, чтобы спустить опять на воду и плыть в такую сторону, где железным копьем не разобьешь стены каменной и где тысячи народа

готовы встретить одного варяга, где на одно копье варяжское приходится по дюжине, на стрелу по сотне? Не по степи рыскать да как собака нюхать след человеческий, а идти в царстве сильном и могучем из одного конца в конец под заревом пожаров, с дюжиной мечей и копий — вот тебе подвиг норманна, и станет ли на такой подвиг твоего печенега... Знаешь ли ты наше норманнское присловье: одного не тронь, на двух нападай, против трех защищайся, четверым не уступай?"

— Не знаю я ваших присловьев и подвигов, знаю дела свои, отцовские и дедовские, и знаю, что для печенега всюду путь-дорога и нет ему сопротивления! Река широкая вплавь на коне переплывается; по степи ведет его звезда небесная, беседует с ним пустынный ветер, говорит с ним птица летучая и ему дорогу сказывает; как гнев Божий, из-за тысячи верст падает он на голову вражескую, когда сон убаюкает врага неосторожного...

"Будто разбойник, украдкой, как лисица из-за куста, а не громом Божиим сражаетесь вы! Тем только вы и берете, конокрады!"

— Спроси у половцев, спроси утра и торка,

полно, так ли, северный человек?

"А ты спроси у грека и булгара, пересчитай раны на собственной спине своей, хан Печенежский!"

— Ты обижаешь меня, северный человек — пока не родился Святослав, не боялись вас ни греки, ни болгары, ни наша печенежская сила, как муравейник бесчисленная, в чистом поле вольный народ, под шатром некупленным. А как под Царьградом встречали вас до сих пор — если ты еще молод, не знаешь, — так спроси у тех, кто тебя поставил...

"Хан печенега вольного! — воскликнул Святослав, — говори, да не заговаривайся! Люблю, когда хвастают молодецкою удалью, но язык уязвляет хуже копья. Поменялись мы с тобой оружием — не выменивай же опять вражды на свой меч!"

— Что же, Святослав? Правда, как солнце — ее рукой не заслонишь! Отважны были твои отцы и деды, но от Царьграда бегивали они до сих пор, как от огня горячего. И сам ты не испытывал еще силы греческой.

"Я не боюсь силы греческой! — воскликнул

Святослав. — А печенег и хазары, угры и болгары знают уже Святослава. Не скрытно, не на слабых жен, не ночью, не украдкою ходил я в степи ваши, плавал под Тмутаракань и бился под Белою Вежею: впереди меня всегда ехал бирюч мой и говорил врагам моим: Берегитесь — Святослав идет на вас!"

— О тебе, Святослав, у меня и речи не было. Тебя знают и в Саркеле и в Переяславце; твоим именем страшает у нас мать дитя непослушное, когда оно по ночам спать не дает. А все еще от тебя, молодца, ждем мы настоящей удали — посмотрим, как-то да когда-то пойдешь ты под сильный Царьград греческий...

"Пойду, как ходил в твою ставку; рассчитаюсь и с греком, как считался с хазаром!"

— О, печенег от тебя не отстанет, Киевский князь! Говори скорее, когда идешь ты на Царьград? Успею ли съездить в степь, проститься с молодою женою, или теперь, прямо с пира, надобно садиться на борзого коня, а детям послать благословение заочное?

Святослав усмехнулся.

"Да ведь не о том спор зашел между тобой и моими удальцами, хан Печенежский, а о том, кто из вас могучее другого? За чем же стало? Выбирай молодца, ставь на выставку — попробуйте! Игра воинская — честь молодецкая. Кто из моих расхвастался силою?"

— Сфенд рыж.

"Ты, Сфенд, безголовая голова, рука железная?"

— Я, князь, и пусть хан Печенежский даст мне любого из дружины своей...

"Я последний в числе наших удальцов печенегов, — вскричал один из печенежских гостей, — но давай посчитаемся, молодец рыжеволосый! — Он вышел вперед других, вытянул ноги и размахивал правою рукою, засучив рукава".

Святослав затрепетал от нетерпения видеть битву и вскочил со своего места; отовсюду сбежался народ и окружил соперников. Сфенд и печенег стали посредине круга, который составился около них.

"Держу за Сфенда!" — "Держу за печенег!" — раздавались голоса.

Между тем бойцы стояли с минуту один

против другого — сын Скандинавии и дитя степей приволжских; один рыжий, голубоглазый, высокий, плечистый, другой с черными, как смоль, волосами, невысокий, черноглазый, приземистый. Они отбросили от себя оружие, натянули свои рукавицы. Едва глазом мигнули, как печенег бросился к своему сопернику и обвил его руками, будто змей, поперек тела. Но силен был норманн и ухватил печенега через руку. Глаза бойцов сверкали; неподвижно стояли они, обхватив друг друга, но их неподвижность была следствием ужасного усилия, и громко раздавались голова:

— Славно, молодцы, славно! Помогай, Боже, нашему — не выдавай, Боже, нашего!

Сильно рванул печенег и перегнул норманна налево; круто повернул его норманн направо; лицо Сфенда налилось кровью от тяжелого усилия, и печенег кольцом перевернулся около него — думали, что он грянет о землю. Но печенег удержался на одной ноге, и не успели мигнуть зрители, как неожиданною хитростью он уперся головою в живот со-противника, подхватил его под ноги руками,

поднял — норманн потерял равновесие и полетел через голову печенега ногами вверх, растянулся на земле и так сильно ударился спиною о землю, что кровь хлынула у него из носа и изо рта. Тяжело досталась победа и печенегу; градом катился с него пот, и от сильного напряжения он стоял, как одурелый, не слыша громких восклицаний.

"Что, князь Киевский?" — горделиво спросил печенежский хан.

— Сфенд похвастал и заплатил за свое хвастовство порядочным толчком — вперед не станет. Борьба не наше дело. Тут не сила — уловка, хан Печенежский. Не хочешь ли померяться мечом и копьем?

"Уловка, не сила! Какая уловка поможет, если силы нет..."

— У всякого народа свой обычай сражаться. Грек берет хитростью, печенег ловкостью, славянин терпением, а варяг силою.

"Полно, князь! Что ты делишь уловку от силы — куда тебе без силы ловкость?"

— Как же ты не понимаешь, хан? Ваш печенег десять раз перевернется на коне, заскачет вперед, выскочет назад, спрыгнет и

вспрыгнет, а русс как сел, так и сидит на коне, будто прикованный гвоздем железным. Зато попробуй-ка выбить его из седла! Вот тебе что значит сила — смотри!

Святослав схватил два толстые блюда серебряные и, подавая одно из них хану, вскричал:

— На, сверни мне его в трубку!

Хан взял блюдо, посмотрел, покачал головою и, поворачивая блюдо на руке, промолвил: "Этого сделать нельзя!"

— У нас не знают слова нельзя, а говорят — сделай!

"Нельзя, князь!"

— Товарищи! в самом ли деле нельзя, аль можно? — вскричал Святослав, бросая блюдо на землю и обращаясь к своим.

Шумною толпою окружили блюдо варяги, русские, славяне.

— Разогнуть подкову берусь...

— С тремя печенегами копьём потянуться — готов... но свернуть блюдо...

"Закладую мою вороную кобылу, — вскричал хан, — отдам ее тому, кто свернет это блюдо! Моя вороная кобыла на моих руках ро-

дилась, со мной пила и ела, и вихорь не обгоняет ее, когда мчусь я на ней по степи..."

— Ну, хан! промахнулся! — вскричал Святослав. — А вы, товарищи, такая-то удаль ваша, что никто и приняться, и попытать не смеет? Бабьи дети! Не на щите повивали вас и не с копья кормили, а видно, что ложкой совали вам в рот кашу!

Мгновенно засучил он рукава, схватил блюдо, положил его на колено, ухватился обеими руками за самый край его, и — будто оловянным сделалось толстое серебряное блюдо под его пальцами, будто превратилось в лист пергамента — в трубку свил его Святослав, перегнул еще трубку в кольцо и подал хану.

— На, хан, береги на память. Вороной кобылы твоей мне не надобно, а только помни, что если Святославу дружину побороть можно, так не родился еще тот человек на свете, который услышал бы от Святослава: этого нельзя сделать!

Радостный, громкий клик раздался вокруг Святослава. Выпучив глаза, стоял хан Печенежский и едва мог выговорить:

"Ай да князь Киевский! Вот чем берут они,

русские и варяги — с Олегом, с Аскольдом и Диром, да с Святославом не диво добраться до Царьграда..."

— Пойдемте прежде, друзья, не к Царьграду, а попробовать нашей удали над зубастым кабаном, которого сегодня порешили мы за то, что без нашего дозволения вздумалось этому щетиннику разгуливать в Хоревецком лесу. Пойдем, старый приятель, посол Греческий, пойдем, хан Печенежский...

Длинный и широкий стол сгорожен был из досок и накрыт дорогою скатертью; набросано было на ту скатерть листья дубовые, и огромный жареный кабан лежал целиком на столе. Несколько почетных гостей поместились на складных стульях; другие сели к столу на досках, утвержденных на древесных обрубках; многие стали у стола. Шум и говор смешивались со смехом, пока рубили на части кабана и подавали его гостям. Без тарелок, поддевая куски на ножи и кинжалы, ели и похваливали гости вкусное кабанье жаркое. Другие ествы пошли на стол. Не жалели угощения повара и кравчие Святославовы. Святослав сидел впереди. За ним стояли дети

его, и странно было зрелище пира, шумного, многолюдного, ночью в лесу, при зареве костра, сборища вольного и разгульного. Песни скоро раздались между гостями.

"Веет ветер с восточной стороны, — пел печенег, — едет рать печенежская, ночью по звездам небесным, днем по полету птичьему!

Белеют вдалеке шатры вражеские, вежи половецкие; играют стада их, веселятся девы, хвастают юноши, красуются ханы и вожди половецкие. Не слышно следа печенежского, не чуют ржания коней их по степи необозримой!

Настала ночь, потухли огни, заснули вежи, стих ветер, не лает пес сторожевой, не колышется ковыль-трава, месяц тучей задвинулся.

Эй! Что вы храпите, враждебные половцы, подымайтесь — принимайте незваных гостей, выставляйте ествы и питья, давайте дев ваших, прошайтесь с конями летучими!

Не туман пал на поле — пали трупом враждебные половцы; не ковры на траве разостланы багряные — разлита по траве кровь богатырская. Удалые печенеги делят добычу, бросают жеребьи, берут серебро и зо-

лото, дев и коней, рабов и товары греческие!"

— Полно мурлыкать, печенег, дай простор славянской голосистой, раскатистой песне!

"Не шуми, не волнуйся, Днепре Словутичу, пробивший каменные горы Карпатские, лелеявший ладии славянские от синя моря до синя моря! Повей благодатью, Днепре княжичу, река славянская, благословенная, умоленная, тучной жертвою угодзенная!

Сидит дева славянская на берегу Днепра широкого. Не жемчуг нижет — ронит слезы крупные в волны днепровские.

Далеко уплыл ее милый друг, далеко в Царьград с товарами, с данью княжескою, с добычею печенежскою.

Проплывет он пороги днепровские — разобьет его море Русское; проплывет он море Русское — нападут на него разбойники сарацинские; не дастся он сарацинским разбойникам — обманет, проведет его хитрый грек; не обманет, не проведет его хитрый грек — обольстит его гречанка юная!

Отобьет она сердце моего друга милого, запленил его волю молодецкую, ослепит его очи ясные, забудет он на чужбине свою роди-

ну, забудет мать родимую, забудет подружку милую! Не видать мне молодого удалого, гостя славянина почетного, не красоваться в жемчуге и золоте, не сидеть в моем тереме, не ждать его до полуночи, до первого раннего куропения..."

— Ох! мне ваши славянские песни! — воскликнул молодой варяг. — Песни с девами, которые беспрестанно хнычут по отъезжающим друзьям сердечным, перекликаются с Днепром и с солнцем, с ветром и с морем, о котором знают только понаслышке... То ли дело наша песня варяжская!

"Грозно пенилось море северное, взбиваемое веслами норманна; широко вздувался парус, раскинутый над волнами, как крыло птицы полуночной! Стоял Сигурд на корме корабля своего, опираясь на копье булатное, и думы его неслись в отдаленную землю Рослагенскую, к деве сердца его, прекрасной, как битва, неумолимой, как меч, гордой, как корабль Сигурда на волнах!

Не молодец ли, не удалый ли я, и какой берсеркер сравнится со мною, когда кипит битва, трещат мечи, ломаются копья, стучат

щиты, и волк воет в ближнем лесу, чуя трапезу богатую на поле битвы кровавой? А меня презирает гордая дева!

Не ее ли имя повторял я, когда плыл корабль мой чернорезный по волнам моря северного, и у нас не было запаса и на три дня, а три недели мы плавали, видели чудеса невиданные, видели землю, где не заходит солнце, где море застыло на пространстве необозримом, где поднялись горы ледяные, рыбы плавают с корабль величиною, и дна моря не достанет в безднах хвост коварного Лока? А меня презирает гордая дева!

Не ее ли имя повторял я, когда мы бились под стенами Дронтгейма и князь норвежский пал предо мною бездыханный, пал от моего неизбежного удара? Вышли трепещущие жители Дронтгейма и предложили мне власть и могущество, и руку прелестной княжны, и сто кораблей белопарусных, летающих по морю, как дума берсеркера — все отверг я и помнил только о деве моей... А меня презирает гордая дева!..

Не ее ли имя повторял я, когда, разбитый на полях Ютландии, бросился я в ладью и с

шестнадцатью товарищами уплыл в необозримое море? Разостлалось оно под нами безбрежную долиною, и свод небесный, как чаша опрокинутая, закрыл нас со всех сторон. И заволновалось море, и срослись волны с облаками, и тонула наша ладья, но мы черпали шлемами и выливали из лодки воду, и пели песню смерти, и бесстрашно влетели в родную пристань Рослагенскую... А меня презирает гордая дева!

Забуду тебя, дева неумолимая! Ты страшнее для меня моря зыбучего, меча вражеского, вепря свирепого и Гелы неизбежной! Что мне смерть, когда Валгал примет меня в свои битвы бессмертные, в охоту за зверем с огненными крыльями, в пир, где из черепа врага моего напоят меня вином, выжатым из лучей солнца, и потушат жар в груди моей, воспаленной от вина поцелуем Валькирии... Но и там буду я грустить без тебя — не мил мне без тебя будет Валгал Одина... А ты презираешь меня, гордая дева!.."

Будто тяжелыми цепями заковала внимание Святослава песня молодого варяга. Шумно пировали гости его и товарищи, ели, пили,

прохлаждались, и вольно раздавались их песни и голоса, а Святослав задумался, не пил, не ел, облокотился руками о стол, повесил свою голову и молчал.

Когда кончилась песня варяга, он опомнился.

— Где мой Велес? — воскликнул он. — Позовите ко мне моего Велеса!

Юноша, русский, голубоглазый, с розовыми щеками, как кровь с молоком, свежий и прекрасный, подошел к князю. В белой одежде, с гусями в руках явился он, и за ним следовали несколько его товарищей; один из них был седой старик с длинной бородою.

— Любимец Перуна! Спой мне одну из тех песен, которыми так часто веселил ты мое сердце! — сказал Святослав юному певцу. — Спой, соловей старого времени! Я засыплю песню твою золотом и серебром!

"Князь славный! — отвечал Велес. — Не надобно мне твоего золота и серебра. Подари меня твоим ласковым словом — не требует певец ничего от Бога, кроме дара песни, от князей и людей ничего, кроме чести, от дев красных ничего, кроме любви. Что велишь ты

спеть мне?"

— Могу ли указывать, что спеть тебе, мой соловей? Сядь, перебери твои золотые струны и пой, что внушат они тебе — только не песню любовную — она годится для баб. Ты знаешь, какие песни люблю я!

"Знаю, что любит князь мой. Угодно ли ему пение об угорском переходе через Киевские горы; или о войне русской на берегах Хвалынского моря — или он позволит мне спеть новую песню, которую вчера сложил я и выучил с моими товарищами — песню об Олеге Вещем?"

— Новую песню об Олеге Вещем? Пой, Велес, пой твою новую песню!

Певец сел, склонил свою голову, поднял ее; глаза его оживились; он дал знак рукою своим товарищам, положил гусли свои на колени; старик седобородый стал против него и, махая рукою, давал меру пению. Пальцы Велеса пролетели по струнам, и струны гуслей загорелись в согласных звуках. Речитативом, иногда переходившим в томное, иногда в шумное, быстрое, живое пение, начал Велес. Товарищи его составляли хор, вторивший

ему, и когда он сам переставал, голоса их сливались в повторении последних слов песни. — Святослав сидел, облокотись на стол, неподвижно и безмолвно.

"Не гроза ли могучая завывает, не волна ли пошла по широкому Днепру? Нет! то не волна мутит песок со дна речного и пугает русалку золотоволосую, не буря ломит лес дремучий и заставляет лешего прятаться в трущобу — то идет волной, крутит бурю дума Вещего Олега!

Стоит сумрачен Вещий, облокотясь на копье булатное; ветер веет его серебряные волосы; глаголют стязи его; стонет Днепр словутный, нося на хребте своем ладии Вещего. Бесчисленно его воинство — варяги и словене, чудь и кривичи, меря, древляне и радимичи, поляне, северяне и вятичи, хорваты, дулебы и тиверцы, все народы, иже нарекаются от греков народы скифские.

Обозревает могущее воинство свое Вещий, обозревает и думу думает: не бессмертны есмы смертны, но кто был славен в Русской земле, как славен я? Меня трепещут горы Карпатийские, меня боятся волны Эвксинские,

меня слушает неукротимый Днепр, повинны мне народы славянские, устрашается меня земля хазарская, робеет меня орда печенежская! Пойду на славный Царьград греческий, добуду славы, или голову положу под стенами Цареградскими и бессмертен буду в памяти!

И подводят Олегу его коня любимого; поглаживает коня рукою, поправляет на нем Вещий попону золотоцветную; ржет и радуется его удалый конь; ставит Олег ногу в стремя серебряное, поправляет уздечку сребро-кованую, выправляет плетку шелковую.

Стоит против Вещего Перунов жрец, стоит ослабляется, усмехается, глядя на Вещего. Смутился духом Вещий, вопрошает жреца прозорливого, дальновидного:

— Ох, ты, гой еси, жрец Перунов, дальновидный, прозорливый, колдун не болтун велеречивый! скажи: чему ты усмехаешься, ослабляешься, на коня моего озираешься?

Ответ держит Перунов жрец, говорит Вещему речь мудрую:

— Вещий Олег, князь Киевский! ведаешь ли, что ни хитру, ни горазду, ни птицей лета-

ощу, ни волком рыскающе, ни мудрому, ни разумному своего жребия миновать не придется?

— Скажи мне, Перунов жрец, на чем же совершится моему жребию? Аль меня поглотит море Эвксинское, аль меня захлестнут волны днепровские, аль меня подстережет стрела неминуемая, аль кости мои в чистом поле размычат звери хищные?

— Не стрела губит, а палка, не море, не река топит, а лужа, не зверь страшен, а муравейко ядовитый. А тебе, Олег, от коня твоего любимого смерть приключится!

Задумался Вещий. Говорит своим отрокам: возьмите коня моего любимого, уведите в луга заповедные, поите сытой медвяной, кормите пшеницей сеяной, хольте, лелейте, на глаза мои не водите!

Но ни хитру, ни горазду, ни птицей летающе, ни волком рыскающе, ни мудрому, ни разумному своего жребия миновать не придется!

Говорило море Эвксинское, Эвксин Окиянович, спрашивало у Днепра тиховойного:

— Скажи мне сущую правду, Днепр Волко-

вич, правду ли пересказывал мне Дунай Карпатович, а слышал он от братьев, Днестра каменистого да от Буга Ингуловича, правда ли, что плывут к Царюграду ладьи Олега Вещего, взять, полонить, порушить стены Цареградские?

— Плывут-таки, плывут ладьи Вещего, Эвксин Окиянович, не солгал тебе Дунай Карпатович, и правдивую весть слышал он от братьев одноводных, Буга Ингуловича, Днестра каменистого!

— Не пуцу я ладей Вещего надо мной, синем морем, насмехаться, к Царюграду прогуляться! Подыму я бурю великую, разобью я ладьи Вещего, пошлю детей Стрибога, и развеют они ладьи русские, разнесут их, куда и птица костей русских не занасивала!

— Напрасно подынешь ты бурю. Хитер, умен Вещий — обернет свои ладьи цаплями долгоносыми, оборотит своих воинов чайками белокрылыми, перелетит к Царюграду по поднебесью!

— Не пуцу я ладей Вещего надо мной, синим морем, насмехаться, к Царюграду прогуляться! Взволную я мою чешуйчатую кожу,

вспрыгну волнами до неба, ударю ладьи в берег каменистый, накличу на трупы хищных вранов!

— Напрасно ты взволнуешься сердитыми валами, не перехитрить тебе Вещего Олега — заговорит, заклянет тебя Олег Вещий, запрет тебя в заклепы подводные, в пещеры мрачные, на триста лет с единым годом, лишит тебя воли молодецкой! И без того твоя, старая удадь пропала, устарел ты, Эвксин Окиянович, не гуляешь через Кавказские горы, не бродишь ты по степям Половецким...

Что зашумело, зазвенело в Цареграде? Что засветилось, засветлело на Золотом Роге? Что загудело, затрещало на Белом море? Аль Царьгород бури испугался? аль пришла к нему несметная сарацинская сила? аль его с суши сдвигают буйные ветры, а синя моря на сушу выдвигают валы седые?

Нет! то шумит, вопит народ Цареградский, то звенит колокол набатный, то засветились в Цареграде пожары, то гудит буйный вихорь, развевая дым и пламя, то трещит берег под ладьями Вещего Олега!

Испугался царь Греческий, ужаснулся; зло-

вещий сон ему приснился, будто с вечера одр ему на голых досках стлали, белым саваном его накрывали, красным вином его поили, в изголовье ему гробовой камень положили.

Веет ветер, тихо море, светит солнце, серебрится вал прибрежный! Забелели, зачернели, чайкой птицей полетели ладьи Вещего Олега!

Не стадо белых лебедей, не вереница гусей серокрылых, плывут к Царюграду ладьи Вещего Олега, плывут, приплывают!

"Ох, вы, гой еси, мои воеводы и бояре! Протяните по морю железные цепи, загородите цепями море, не проплыть бы, не проехать Вещему Олегу!"

Усмехнулся Вещий грецкому мудрованью, говорит своим ладьям послушным:

— Выплывайте, ладьи мои, на берег, катитесь по земле, будто по синему морю!

Откуда колеса взялись и по суше ладьи Вещего понесли!

"Ой, вы, гой еси, мои воеводы и бояре! готовьте огонь неугасимый, жгите, палите Вещего Олега!"

Усмехнулся Вещий грецкому мудрованью,

говорит облакам поднебесным:

— Полно вам, облака, гулять по-пустому, полно вам глотать росу небесную даром! Соберите воду дождевую, прысните на греков, утушите их огонь неугасимый!

Испугался, ужаснулся Царьгород, смутился, вздурился царь Цареградский:

"Ох, вы, гой еси, мои бояре, воеводы, мудрецы мои седобороды! отпирайте мои кладовые, берите серебра, золота, сколько хотите, несите к Вещему Олегу, платите ему дань валовую, да другую дань круговую, а третью не дань, а подданок, а четвертую на каждый русский город, а пятую Игорю княжичу с Ольгой княгиней, шестую всем светлым князьям русским, а седьмую платите Перуну на свечку!"

Стучит молот тяжелый, стонет земля, охает Царь-город: прибывает Олег щит свой к воротам Царяградским, вещует, волхвует, закликает:

— От сего дня грекам от Руси не ущититься! Стар я становлюсь, и сюда не приду вдругорядь — придет сюда молодец меня удалее, возьмет, полонит он Царьгород, а имя тому молодцу — князю удалому...

Не слышали, кого назвал Олег Вещий... Но знают то имя колдуны, вещуны Киева и Царьграда, вещают, шепчут его валы Эвксина, ведают его волны Дуная!.."

Неподвижен и безмолвен сидел Святослав, когда Велес начал песнь свою, но, будто масло на огне, загорелось его княжеское сердце от слов Велеса. То глядел он на певца и, казалось, пожирал глазами его сладкоголосые струны, то опять погружался в задумчивость и медленно дышал, будто боясь упустить какое-нибудь слово Велесово. Огонь горел в глазах юного гусяра и переливался в душу князя. И когда Велес пел о щите Олеговом, говорил о том, кто пойдет по следам Олега, умалчивал имя, но сказывал, что знают то имя колдуны, вещуны киевские и царьградские, вещают, шепчут валы Эвксинские, ведают волны Дунайские... тяжело, высоко подымалась грудь Святослава — как будто далекая буря дмил и буровит море Эвксинское, еще не вздымая, не кипятя валов его, дума скрытная дмила и буровила душу Святослава...

Громче и громче раздавались песни Велеса, чем далее распевался он, соловей киев-

ский, звезда русских баянов. Смолкли, стихли все собеседники княжеские, умолкли смех и шумная беседа всех гостей, не колыхался листок на дереве, и только голос Велеса и хор его согуслярников катились волнами перекатными по сердцам и душам слушателей. Внимательно слушали и варяг и печенег. Калокир и его товарищи сидели безмолвно при песне славянского соловья, уныло повесив свои головы.

Когда Велес готов был выговорить имя преемника Олегова, Святослав дышал прерывисто и тяжело, наклонив голову на свои руки. Задумчивый, толкнул он чару с вином, стоявшую перед ним, не заметил, как она упала, как потекло из нее вино, лилось через край стола, и верные псы его лизали драгоценный сок хиосского винограда...

Но Велес умолк, перекатился снова перстами по гуслиам, и с хором запел величанье Вещему Олегу:

"Велик, мудр, могущ и славен Олег Вещий — слава ему! Пирует он победу свою в княжеском тереме — слава ему! Опирается он на булатный меч, подпирается на копьё два-

дцати локтей, пьет вино цареградское, шьет на ладьи свои паруса паволочатые, делит добычу богатую, серебро, золото, ткани многоцветные, камни самоцветные, ковры вавилонские — слава ему! Веселится его дружина верная, веселятся его князья светлые — слава ему! Его верные слуги не стареются, его добрые кони не изъезжаются, его цветное платье не изнашивается — слава Олегу Вещему!"

Струны Велесовы задрожали, затрепетали. Глухо перекатились отголоски и — тихо запел певец:

"Но ни хитру, ни горазду, ни птицей летающую, ни волком рыскающую, ни мудрому, ни разумному своего жребия миновать не приходится!

— Где мой конь любимый? — вопрошает Вещий Олег.

— Конь твой издох, и кости его благородные кинуты на чистое поле, обмывает их струя дождевая, осушает их солнце палящее, закрывают их снега белые, обвивает их травка шелковая, обвевают их ветры буйные!

— Седлайте мне моего коня доброго, зовите ко мне кудесника, жреца Перунова, укорю

я его бороду старую, насмеюсь над его ложным прорицанием!

Стоит сумрачен Вещий Олег, сложив руки на груди богатырской. Сильно бьется сердце его ретивое; веют его серебряные волосы; вокруг него дружина верная; перед ним стоит жрец Перунов, усмехается, осклабляется — перед ним лежит череп коня доброго и белеют его кости благородные.

— Ох, ты, гой еси, кудесник, жрец Перунов! От сего ли голого лба мне смерть приключится?

И шевелит Вещий ногою череп лошадиный, шипит змея черная, зелье ядовитое готовит князю, вынырнула, обвилась вокруг ноги черной лентой, уязвила Вещего Олега, чует смерть Вещий — затуманились его ясные очи, подогнулись его крепкие ноги, опустились его могучие руки...

Празднуют тризну на горе Хоревецкой; пьют крепкие меда, стучат в медные щиты, поминают покойника добрым словом. Кого поминают на горе Хоревецкой? Поминают Вещего Олега!..

И сбылось присловье премудрых: ни хит-

ру, ни горазду, ни птицей летающую, ни волком рыскающую, ни мудрому, ни разумному своего жребия миновать не приходится! Будь велик и могуч — равно прорастет крапива на могильном холме твоём, и когда хищные звери разроют могилу твою, не узнать по твоему ветхому черепу — был ли ты силен, богат и славен, был ли ты тщедушен, убог и безвестен!.."

— Так, что же, мой сладкогласный соловей, так, что же, мой баян вещей, что в том, если люди задумаются над моим черепом, — воскликнул Святослав, крепко ударив кулаком своим по столу, — что в том, если при жизни моей душа моя сыта была весельем, земля наполнялась говором моего имени, катался я, как сыр в масле, в славе, богатстве и почести? Пусть только имя мое прокатится, будто гром, через века грядущие, пусть отзовется оно в песнях баянов, пусть летает потом перед моим потомком, как гром перекатный по туче, зловещую беду грозя сильному врагу... О! год жизни, год славы Олега Вещего, и — пусть товарищи мои подвигов пируют тризну на моем надгробном холме — пусть птицы хищ-

ные дерутся за труп мой, тлеющий в пустыне
безвестной!

Слезы брызнули из глаз Святослава. Он закрыл глаза рукою. Безмолвно сидели его дружина, варяги, норманны, славянские удалцы. Чаши стояли перед ними налитые и полные, но не початые.

— Нет! — воскликнул Святослав. — Нет! не люблю мне в Киеве жити — хочу жить в Переяславце на Дунае! Там будет среда земли моей, там вся благая сходится — от греков паволоки и золото, и вина, и овощи различные, из чехов и угров серебро и кони, из Руси скоро, воск, мед и челядь! Прочь, пиры разгульные, прочь, девы красные, одры пуховые! Друзья! Не починуть, не отдохнуть, не пить вина, не ласкать дев, пока не зачерпнем шеломами воды Дуная широкого!

— Прочь пиры, веселья, дев! — загремели голоса. — К мечу, к щиту, к копью, к шелому! — В беспорядке бросились все из-за стола и шумно окружили Святослава.

Ухватив руками руку Свенельда и руку другого своего вождя — "Друзья, товарищи, ратники, вожди мои неукротимые! — вос-

кликнул Святослав. — Души ваши в буести закалены, на кровавых пирах с смертью обручились! Ужли оставаться в Киеве? Из болот Новгородских перешел на берег Днепра Олег Вещий, с берегов Днепра перейдет Святослав на зланный берег Дунайский — а там... Пусть толкуют вещуны, куда еще перейдет русский князь!"

— Туда, где уже нет дороги ни конному, ни пешему! — закричал Свенельд.

— А ладья на что? И не наши ли братья варяги облетали на ладьях из Варяжского моря до Эвксинского? Не они ли достигали по неизвестным морям Гринланда и Аттурвейза, Бирмии и Пермии, туда, где солнце только умывается в море, а в хлябь его не садится?

"И попустим ли мы щедушному болгару наругаться над нашей честью? — восклицал Святослав. — Три дня вы видите меня печального и мрачного — не о матери я горюю, но о той вести, какую я получил из Переяславца. Знаем ли, что храбрые наши товарищи, оставшиеся на Дунае, одолены, побиты булгарами; что царь болгарский ищет союза с уграми и с греками, и не боится уже нас, думает,

что навсегда унесли нас в леса наши и пустыни волны Эвксинские? За товарищей ли не отомстим? За дядьку ли моего, мудрого, седовласого Асмунда, который остался стеречь наши Дунайские волости — он убит, он не дался живой — счастливый старец! Но — кровь за кровь, по русскому обычаю!"

— К копью! К мечу! Мщение болгару! Веди нас, Святослав! Камо ты пойдешь, тамо и мы пойдём!

— "Подайте мое копьё!" — Копьё было подано. Держа его за конец древка, обратил дротик его к своим собеседникам Святослав: "Берись за копьё мое, кто хочет идти со мною — не берись, оставайся дома, кто трусит и робеет!" — Сотни рук протянулись к копью.

— Мы все идем! Мы все с тобою! — шумели радостные голоса.

Святослав схватил секиру, перерубил древно копьё и, подымля секиру над головой, воскликнул:

"Пусть скорее прорастет это сухое ратовище зелеными листьями, пусть срастется оно снова, пусть посечены мы будем мечами своими и будем рабами в сей век и будущий, ес-

ли отступим от своей клятвы — клянемся Перуном и Волосом, и богами греческими, и богами варяжскими!"

— Клянемся! — раздавалось окрест Святослава. Он казался грозным богом брани. Он был исполин, непобедимый при той силе, какую слова его возбуждали в сердцах его дружины и вождей!

— И мы с тобою! — кричали печенеги. — Вина, вина! Пьем за нашу клятву!

Среди сих кликов военною песнью громко загремели струны Велеса. Святослав и его товарищи чокались чаша с чашею, и князь потрясал руки товарищей своею мощною десницею в залог верного слова — жить и умереть вместе!

КОММЕНТАРИИ

В настоящий сборник вошли избранные исторические произведения Н. А. Полевого. С некоторыми из них советский читатель уже знаком. "Повесть о Симеоне, Суздальском князе" в последние годы переиздавалась трижды (См. кн.: Полевой Н. Избр. произв. и письма. Л., 1986. С. 28–88; Полевой Н. Мечты и звуки. М., 1988. С. 135–196; "Русская историческая повесть первой половины XIX века". М., 1989. С. 84–144. Четырежды, не считая журнального варианта 1828 г. и авторской прижизненной публикации в 1843 г., она издавалась в дореволюционные годы — 1885, 1890, 1899, 1900 гг.); "Пир Святослава Игоревича, князя Киевского" — один раз (Полевой Н. Мечты и звуки. С. 260–284). Другие произведения переиздаются в советское время впервые: "Иоанн Цимисхий" — по единственному, прижизненному изданию (2 части. М., 1841); роман "Клятва при гробе Господнем" — по первому изданию (4 части. М., 1832; в дореволюционные годы роман переиздавался четыре раза — 1886, 1899, 1900, 1903 гг.).

В настоящем издании тексты произведений даются с сохранением орфографии и пунктуации, характерными для того времени и отражающими индивидуальный стиль автора.

Произведения расположены в исторической последовательности событий, изображенных Н. А. Полевым.

ПИР СВЯТОСЛАВА

Впервые — Московский наблюдатель, 1835, кн. 15, октябрь, книжка 1, с. 329–376, под названием "Пир Святослава" и подстрочным примечанием: "Отрывок из нового романа "Синие и Зеленые"; с расширенным заглавием, без примечания и с подзаголовком "Византийская легенда" — в кн.: Повести Ивана Гудошника. В 2-х ч. Спб., 1843. Ч. I. С. 113–195. Публикуется по этому изданию.

С. 191. Святослав Игоревич (ок. 920–972) — князь Киевский с 964 г.

С. 193. Гиперборея — в греческой мифологии сказочная страна, которая находилась на крайнем севере за пределами царства бога се-

верного ветра Борея (отсюда название); страна вечного блаженства, населенная гипербореями, где всегда останавливался на зиму бог солнца Аполлон.

Скифия — государство скифов (9–3 вв. до н. э.), занимавшее в пору расцвета территорию Северного Причерноморья от нижнего течения Дуная до нижнего течения Дона, включая Северный Крым.

Сарматия — государство сарматов (3 в. до н. э. – 4 в. н. э.), родственных скифам племен, которые в 5–3 вв. до н. э. обитали в низовьях Волги, кочуя от среднего течения Дона до Южного Предуралья, затем вытеснили скифов, создав собственное государство, занимавшее территорию современной Украины (без западных ее областей), Ростовскую область и междуречье от среднего течения Дона до Волги.

...греческие города лежали видимыми обломками на берегах Черного моря — Имеются, в виду города-крепости греческих рабовладельческих государств Ольвии (г. Ольвия находился близ нынешнего Николаева), Боспорского царства — Пантикапей (совр. Керчь), Та-

наис (в низовьях Дона) и др., существовавших на Черноморском побережье в 6 в. до н. э.- 4 в. н. э.

...хазарские города дымились... — В 965 г. Святослав разгромил Хазарский каганат — тюркское государство, возникшее в VII в. на юго-восточных границах Руси и занимавшее обширную территорию в бассейне Северского Донца, среднего и нижнего течения Дона, низовьев Волги, вплоть до Кубани и Терека на юге; были захвачены и разрушены все хазарские города, в том числе крупнейшие — Итиль (в дельте Волги, в 10 км выше совр. Астрахани) и столица каганата Саркел (ныне — под водой Цимлянского водохр.), на месте которой основана русская крепость Белая Вежа (Саркел — букв. Белый город; вежа — шатер, а также городская башня шатрового типа).

С. 194. Гости — купцы.

Вящиие — богатые, знатные, сановные.

Княгиня Ольга — мать Святослава, княжила в Киеве 945–964 гг.

С. 195. Руси есть веселие пити... — Это, ставшее крылатым, выражение восходит к

словам Киевского князя Владимира I Свято-славича (ок. 960-1015), которые он, согласно "Повести временных: лет", произнес в 986 г., отвергая магометанскую веру, требовавшую "вина не пити".

С. 196. Феодор Стратилат — один из христианских великомучеников; в Византии почитался как покровитель всех, кто направлялся в северные страны (Скифию, Русь и т. д.); был военачальником, командовал отрядом, расположенным в г. Гераклея (Европейское побережье Мраморного моря), распространял христианство среди своих воинов-язычников; собрал в городе золотые и серебряные статуи языческих богов, разбил на мелкие кусочки и раздал нищим, за что был подвергнут мучительной казни: сначала был распят, а на другой день — 8(21) февраля 319 г. — обезглавлен.

Сфендослав — см. комм. к с. 52.

Олегова могила на горе Щековице... — Могила варяжского предводителя Олега, княжившего в Киеве 882–912 гг.; умер, согласно отдельным летописным источникам, от укуса змеи; с прозвищем Вещий получил отражение в литературе (см. "Песнь о Вещем Олеге"

А. С. Пушкина и др.). Щековица (Щекавица) — Змеиная гора.

Перун — один из главных славянских языческих богов, повелитель грома и молний.

С. 197. Омир — Гомер, Иродот — Геродот (ок. 484–425 до н. э.) — выдающийся греческий историк; его труд "Изложение событий" — ценнейший источник сведений по истории древних народов — мидийцев, персов, вавилонян, египтян, скифов, ливийцев и греков, начиная с Момента их появления на исторической арене до 478 г.

Святой апостол Андрей странствовал здесь... — Согласно византийской легенде, один из ранних подвижников Христианства, апостол Андрей, был первым проповедником нового вероучения среди народов, обитавших на берегах Черного моря; побывал он и в Скифии. Славянский, значительно расширенный, вариант легенды дошел до нас в составе "Повести временных лет", где, в частности, говорится и о воздвижении креста на месте будущего Киева и приводятся слова, якобы сказанные при этом апостолом, которые повторяет герой Полевого — византийский посол.

С. 199. Волос, Велес — славянский языческий бог, покровитель скотоводства и пастухов, а также песенного искусства, начало которому было положено пастушескими песнями.

...ратного спутника на полях Булгарии... — Имеется в виду первый поход Святослава против Болгарского царства (задунайских болгар) осенью 968 г. по просьбе византийского императора Никифора II Фоки (см. об этом в данной книге стр. 53). В те времена существовало еще одно царство болгар — завожских, Волжская Болгария, находившееся на левом берегу Волги между реками Кама и Самара; погибла в 1235 г., став первой жертвой татаро-монгольского нашествия на европейские страны.

С. 201. Переяславец Дунайский, Преславец — город в нижнем течении Дуная (неподалеку от совр. Тулчи), отвоеванный Святославом у болгар, куда он хотел перенести столицу Киевского княжества, заявляя, что это "есть середина <середина> земли моей".

С. 202...я слышал о славной победе... над печенежскими ордами... — В 968 г. печенеги,

пришедшие в приазовские степи с Востока, воспользовавшись отсутствием Святослава (он вместе с дружиной находился в Переяславце после успешного похода на болгар), совершили свой первый набег на Русь и осадили Киев. Узнав о новой беде, нависшей над Русью, Святослав оставил Переяславец и поспешил к Киеву, догнал отступивших от города печенегов, напуганных известием о его приближении, и разбил их.

Клянусь Чернобогом и Белобогом... — Чернобог и Белобог — славянские языческие боги ночи и дня, повелители, соответственно, тьмы и света; отсюда одна из древнерусских клятв: "Чтобы мне света белого не видеть, чтобы тьма навсегда затмила мне очи".

Ярополк (ок. 956–980) — старший сын Святослава, Киевский князь с 973 г.

Олег (ок. 958–977) — средний сын Святослава, с 970 г. Древлянский князь (столица — г. Овруч, ныне — на территории Житомирской обл.).

Владимир — младший сын Святослава, князь Киевский в 980–1015 гг. См. также комм. к с. 196.

Малуша — одна из служанок княгини Ольги, матери Святослава.

С. 203. Торк, торки — общее название кочевых племен, которые вслед за печенегами пришли в конце IX в. из Средней Азии в Заповжье, а затем в Донские и Приазовские степи.

С. 204. Тмутаракань, Тмуторокань — русское название города, находившегося на берегу Таманского залива выше совр. Тамани, который византийцы называли Таматарха (Матарха), а основавшие его в VI в. до н. э. греки — Фанагория (Танагория); был взят Святославом в 965 г.

Белая Вежа, Саркел — см. комм. к с. 193.

С. 208. Сигурд — один из героев древнескандинавского эпоса.

Земля Рослагенская — историческое название одной из областей Швеции на побережье Балтийского моря.

С. 209. Берсеркер, берсерк — свирепый воин.

...хвост коварного Лока. — Локи — один из главных скандинавских языческих богов, коварный зачинщик всякого зла; обладал спо-

способностью перевоплощения; выступал в образе коровы, волка, лосося и др.

Дронгейм — г. Тронхейм в центральной Норвегии на берегу Тронхеймского фиорда.

Гела, Гель, Хель — смерть, царство смерти в скандинавской, мифологии.

Валгал (Валгалла) — в скандинавской мифологии дворец бога Одина, где обитают души павших в бою воинов.

Валькирии — в скандинавской мифологии воинственные девы-богини; они помогали воинам, решали судьбу битв и уносили души убитых воинов в Валгаллу, где их ожидали вечные радости, и там прислуживали им на пирах.

Один — древнескандинавский верховный бог — бог войны и мира, ветра и мореплавания, покровитель душ воинов, погибших в бою.

С. 210. Хвалынское море — Каспийское море.

С. 211. Стязи — стяги, знамена.

С. 212. Сыта медвяная — питье, подслащенное медом, или медвяной отвар.

Стрибог — славянский языческий бог вет-

ра.

С. 213. Белое море — Мраморное море.

С. 215. Сок хиосского винограда. — Хиосс — один из плодороднейших островов Эгейского моря, был известен своими винами, ароматными мастиками, ремесленными изделиями.

С. 217. Гринланд — Гренландия; Биармия — так в скандинавских сказаниях-легендах называлась страна, расположенная на крайнем северо-востоке Европы — совр. Кольский полуостров и Архангельская обл.; Пермия — так назывались земли, расположенные на территории совр. Коми АССР и Пермской обл.

За товарищей ли не отомстим? — За дядьку ли моего... Асмунда... — Факт нападения болгар в 969 г. на оставленные в их землях русские дружины историками зафиксирован; место и время смерти Асмунда — воспитателя Святослава — нигде не отражено.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

А дамант — алмаз.

Аер — воздух.

Ажно — даже, между тем, так что.

Алкать — сильно желать.

Алтарь — жертвенник; в православной церкви — главная, восточная часть, отделенная от общего помещения иконостасом.

Амвон — возвышенная площадка в церкви перед иконостасом.

Анафема — церковное проклятие, означающее отлучение от церкви.

Антиподы — обращенные ногами друг к другу; жители диаметрально противоположных точек земного шара; люди с противоположными чертами характера, взглядами.

Апофегма — краткое, меткое поучительное, наставительное слово, изречение.

Аргамак — верховая лошадь восточной породы.

Архистратиг — самый главный военачальник, предводитель, вождь.

Аспид — род африканской ядовитой змеи;

злой, с черной душою человек.

Багряница — широкий плащ ярко красного, пурпурного цвета, подбитый горностаем; торжественное облачение царей, императоров.

Балдакин, балдахин — нарядное убранство, свисающее над кроватью, ложем, престолом.

Балясы — столбики под перила, поручни, ограду; пустые, праздные разговоры.

Бармы — оплечье, ожерелье, часть торжественной одежды с изображениями святых, предназначенная для парадных выходов князей, царей, высших чинов духовенства.

Баядерка — служительница религиозного культа в восточных странах; танцовщица и певица.

Бдеть — бодрствовать, не смыкать глаз, неусыпно следить за чем-нибудь.

Белец — живущий в монастыре, но еще не постриженный в монашество.

Бердыш — старинное оружие, боевой топор в форме полумесяца.

Бирюч — помощник князя по судебным и

дипломатическим делам, глашатай, объявлявший народу волга князя.

Благовест — колокольный звон перед началом церковной службы, производимый одним колоколом.

Блюдись — берегись, остерегайся от неблагоприятных дел и поступков.

Болван — старинное название статуи; идол, истукан.

Борть — улей в дупле или выдолбленная колода, пень для пчел.

Брань — вражда, война, сражение, бой, битва.

Братина — большой сосуд, чаша с крышкой или без нее, в которой разносили питье, пиво на всю братию и разливали его по чашкам, кружкам.

Брение — очень жидкая глина, грязь; брennyй — глиняный, непрочной, легко разрушаемый.

Будуар — небольшая комната в женской половине для приема друзей, посетителей, расположенная рядом со спальней.

Буесть — отвага, удаль, молодечество, дерзость.

Былий, былье — травинка, соломинка.

Василиск — сказочное чудовище с телом петуха, хвостом змеи и короной на голове, убивающее все живое одним своим взглядом.

Вежа — шатер, кибитка; башня шатрового типа.

Велелепно — великолепно, блистательно, красиво.

Велий — славный великими, знаменитыми подвигами (о людях); великий, огромный (о вещах, предметах).

Вельми — весьма.

Вепрь — дикий кабан.

Вержет — опрокидывает, бросает, кидает.

Вершник — всадник.

Верток — букв. верх пальца, фаланга; древнерусская мера длины — 4,45 см.

Весь — село, селение, деревня.

Ветшаний — ветхий, изношенный.

Взалкать — проголодаться, захотеть поесть.

Вино курить — извлекать, гнать из хлеба и др. растительных частей спирт, горячее вино.

Виссон — дорогая белая или пурпурная ма-

терия в Древней Греции и Риме.

Витамице — жильё, жилище, убежище.

Вития — оратор; красноречивый, речистый человек.

Власяница — грубая одежда, сделанная из волос; одевалась на голое тело для смирения плоти.

Впадите — войдите, вступите.

Волоковое окошко — окно с задвижкой, внутренней ставней.

Волостель — властитель, начальник над областью, назначаемый правительством.

Волошские — из Валахии, исторической области, располагавшейся между Дунаем и Карпатами.

Волховать — гадать, предсказывать.

Встола, ватола — накидка из грубой крестьянской ткани.

Вран — ворон.

Вретище — траур; траурные одежды.

Выя — шея.

Вящщие — знатные, сановитые, богатые.

Гиероглифы — иероглифы.

Гинекей — женская половина дома в Древ-

ней Греции, Рима и Византии.

Глагол — слово, речь.

Глад — голод.

Гливы — груши.

Голбчик — пристройка к печи, припечье, со ступеньками на печь и полаты, с дверцами, полочками внутри и лазом в подпол,

Головщина, головщик — управляющий одним клиросом в монастырских церквах; а также (обл.) — торговец яствами; уголовник, преступник.

Гонт — дранка, клиновидные дощечки, кровельный материал,

Горка — полочки, шкафчик для посуды.

Горний — вышний, возвышенный, небесный.

Гост — купцы.

Гривенка — единица веса (фунт — см.), а также дорогая подвеска у образов, икон; позднее — название монеты достоинством 10 копеек.

Гривна — древнерусская серебряная денежная единица, слиток весом около фунта (см.); серебряное или золотое украшение (награда) в виде прямоугольника или овальной

формы, с цепочкой; надевалось на шею.

Гудок — смычковый инструмент, род скрипки без боковых выемок, с тремя струнами.

Дебрь — глубокий овраг, ложбина, а также долина, густо заросшие лесом.

Дееписатель — летописец.

Держава — золотой шар с крестом наверху, символ царской, императорской, монаршей власти.

Десница — правая рука.

Десятина — древнерусская единица земельной площади, равная 1,09 гектара.

Дефтерь — ханский ярлык (грамота) о видах, характере и размерах дани, которую князья должны были платить хану.

Джерид, джирит — дротик, метательное копьё; джериды — копьеметатели.

Доблий — доблестный, великодушный, добродетельный, благородный, крепкий в деле добра, сильный и твердый в добродетели.

Доезжачий — старший псарь на охоте.

Докончание — конечные условия, окончательная редакция договора, грамоты.

Долбня — колотушка, деревянный молот или просто бревно с выструганной, отесанной ручкой, рукоятью.

Домовище — гроб.

Досканец — ящичек, ларец.

Древле — в старину, в давние времена, встарь.

Дреколья — дубины, палки, колья, употребляемые в качестве оружия.

Дышло — толстая оглобля, прикрепляемая к середине передней осп повозки при парной запряжке.

Дуля — груша.

Духовник — священник, которому исповедуются в своих грехах.

Елей — оливковое масло, употребляемое в церковном обиходе.

Елень — олень.

Епанча — старинная русская одежда, длинный широкий плащ, имел парадную и дорожную формы.

Ересиарх — основатель ереси или главный авторитет среди ее сторонников.

Животишки, животы — стяжанье, движимое имущество, богатство,

Загонуть — загадать загадку, предложить что-то для разгадки.

Заклад — спор, пари; залог, обязательство при займе.

Заклепы — запоры, засовы.

Закута — часть хлева или комнаты, отведенная для мелкого скота и молодняка; чулан, кладовая в избе.

Золотые — попавшие в силки; пойманные, взятые под стражу.

Замшаный — покрытый мохом; забытый, затертый; законопаченный.

Заспа — крупа.

Зельно — обильно, очень много, весьма сильно, крепко.

Зернь — игра в кости (зерна) в чет-и-нечет.

Зипун — верхняя одежда русского крестьянина из грубого толстого сукна, обычно без ворота.

Иверни — черепки, мелкие осколки.

Изурочить — изувечить, искалечить, сгла-

зить, навести на кого-нибудь порчу, болезнь.

Имать — брать, ловить; собирать (дань), изымать (пошлину); созывать.

Инбирни, имбирники, — калачи, хлеб, испеченные с имбирем — пряным корнем тропического травянистого растения.

Ипат — командующий отрядом, предводитель.

Ископать — вырыть, выкопать; добытое, вырытое.

Исполать! — Хвала! Слава!

Исправа — обзаведение чем-либо; одежда, сбруя, упряжь.

Испечаловать — исгоревать, иссохнуть; испросить себе утешение, заботу, защиту от печали.

Истукан — идол, статуя.

Исчадие — чадо (сын или дочь), родившееся на горе родителям, позорящее их своими действиями и поступками; порождение ада.

Калбат, колбат — грубосшитая одежда.

Каленая стрела — с закаленным, особенно твердым наконечником.

Калита — кожаный мешочек, сумка для де-

нег, которую носили на поясном ремне.

Камка — шелковая узорчатая ткань.

Капитель — верхняя часть колонны, столпа.

Келейник — послушник или монах, прислуживающий духовному лицу.

Кесарь — в Византии титул соправителя, "некоронованного" императора.

Кимвал — ударный музыкальный инструмент, похожий на современные тарелки.

Киноварь — минерал красного цвета (сернистая ртуть); использовалась для изготовления краски.

Кичение — хвастовство, спесь, показное превознесение самого себя.

Кичька, кичка — головной убор замужних женщин в виде повязки.

Клеврет — друг, союзник, единомышленник; с середины XIX в. значение этого слова изменилось на "подручный", "приспешник", "слепо следующий за своим господином".

Клиент — первоначально: лицо, зависимое от сановника-покровителя; в новое время — постоянный посетитель, покупатель, пользующийся чьими-то услугами и т. п.

Клир — совокупность, собрание священнослужителей и церковных деятелей.

Клирос — возвышенное место в христианском храме перед алтарем, где находятся чтецы и певчие (хор).

Клобук — головной убор православных священников цилиндрической формы со спадающей на плечи тканью черного или белого (у патриархов и митрополитов) цвета.

Кобза — восьмиструнный округлый музыкальный инструмент; был распространен на Украине.

Ковы — козни, коварные умыслы.

Кожух — верхняя одежда из кожи; овчинный тулуп.

Кокошник — головной убор русских женщин в виде украшенного полукруглого щитка или веера.

Кольми — особенно, тем более, коли.

Копышились — копошились; ломались, упрямылись, чванились.

Кошевня — станица, казачий лагерь.

Кравчий — боярин, ведавший царским столом.

Краеградие — край, грань чего-либо; даль-

ние городские окраины.

Крыж — крест.

Крыжаки, крыжи — крестonosцы; прозвище рыцарей Ливонского Ордена, вообще воинов, пришедших из стран, исповедовавших латинскую (католическую) веру.

Ктитор — основатель, создатель; в православной церкви — староста, избранный прихожанами.

Купует — покупает.

Кура — вьюга, буран, метель, пурга, поднимающая снег от земли.

Курники — сдобный круглый пирог с курицей и яйцами; род калача с запеченной в нем курицей — свадебная хлеб-соль молодым от всех родных.

Куци — землянки, шалаши, жилище в безлюдном месте в лесу; дикие, безлюдные, запovedные леса.

Кызылбаши — "красные головы" — прозвище воинов-персов по красному головному убору.

Лазуревый — светло-синий.

Ланиты — щеки.

Ласкательство — лесть, угодничество, заискивание, униженное потворство.

Лепый — красивый, прекрасный, пригожий, бесподобный.

Ложница — спальная комната.

Локоть — старинная мера длины, равная расстоянию от конца среднего пальца до локтевого сгиба (ок. 60 см).

Ливан — ладан; пахучая смола.

Литр, либр — весовая и денежная единица (см. комм. к с. 52).

Литургия — обедня; христианское богослужение, во время которого совершается причастие.

Лихоманка — лихорадка, горячка, воспаление.

Личины — маски.

Лукоморье — морской залив, побережье.

Мальвазия — сладкое виноградное вино с о. Мадейра (Мадера).

Мамка — кормилица; старшая няня.

Матица — основной брус, балка, на которую настиляется потолок.

Матрона — в Древнем Риме — замужняя,

почтенная женщина, мать семейства.

Миро — благовонное масло, употребляемое в христианских обрядах,

Мордка — мелкая монета, копейка.

Мостолыга — большая кость:

Мошна — мешочек для денег, сумка, кошелек.

Мыт — пошлина на ввоз товаров, за проезд через заставу, через мост и т. д.

Мытарить — плутовать, обманывать, промышлять неправедными подборами.

Мытарь — сборщик податей, мыта.

Нагольный тулуп — кожей наружу, не покрытый тканью.

Налой — столик в церкви для богослуженных книг.

Напасть — беда, неприятность.

Наперсник — человек, пользующийся особым доверием; любимец.

Нарекать — называть, именовать; укорять, обвинять,

Нарочитый — значительный, именитый.

Нарочито — обильно.

Начетчик — церковный чтец.

Невегласно — скрытно.

Некошный — недобрый, нечистый, дьявольский, вражеский.

Несть — не есть, нет, отсутствует.

Неумытный — неподкупный, беспристрастный, честный, правдивый.

Обдернулся — ошибся.

Обида — неправое дело по отношению к кому-либо; оскорбление, бесчестие; лишение имущества, нанесение убытков; побои и т. п.

Облелеять — обласкать, изнежить.

Оболочь — облекать, облечь во что-то, укрыть, одеть.

Обретаться — находиться, быть где-то.

Овн — овца.

Овому — кому, одному.

Оглобля — круглая жердь, служащая для запряжки лошади.

Огневица — горячка; сыпь на коже.

Огневщики — пожарники; факельщики.

Одалиска — прислужница в гареме; обитательница гарема, наложница.

Одесную — по правую сторону,

Одр — постель, ложе.

Озадки — опыт прошлого, прошлое, дурные последствия, оставшееся в памяти сожаление.

Онучи, онучки — кусок плотной ткани, наворачиваемой на ноги при ношении лаптей, сапог; портянки.

Опас — охрана, опека, заступничество, покровительство.

Опрятать — привести в порядок, — обрывать; обмыть, одеть (о покойнике).

Осанна! — Помоги нам! — молитвенное восклицание при богослужении.

Отрепья — тряпье, лохмотья, рваная одежда, обноски.

Отрок — младший дружинник, использовался для выполнения разного рода поручений.

Охобень, охабень — широкий кафтан с большим откидным четырехугольным воротом, с длинными декоративными узкими рукавами и прорезами (в подмышках) для рук.

Ошую — по левую сторону.

Паволока — бумажная или шелковая восточная ткань, а также одежда из нее.

Паникадило — церковная люстра, канделябр.

Папир — бумага.

Пастырь — пастух.

Патриций, патрикий — придворный титул высшего ранга, давал право на самые высокие должности.

Паче — более, лучше.

Пеня — деньга, деньги.

Пергамент — материал для письма из телячьей кожи; документы, рукопись на таком материале.

Перепечь, перепеча — род кулича, каравай, печеные хлеба.

Перл — жемчуг.

Персть — пыль, прах, малая щепотка земля.

Перуны — стрелы, быстрые, как молнии;
Перун — см. комм. к с. 196.

Пестун — воспитатель.

Печалованье — оказание милости, забота о ком-то, покровительство.

Пешцы — пешие воины, пехотинцы.

Плаун — болотное травянистое растение, мох; в сушеном виде использовался в каче-

стве табака, "земляного ладана".

Плевелы — сорные, вредные растения на хлебном поле.

Плеща — плечи.

Плотоядный — хищный (о зверях и птицах).

Повапленный — окрашенный в белый (известью) цвет.

Повеждь — поведай, расскажи, открой кому-то на что то глаза.

Погар, погарь — гарь, погоревший лес.

Погост — новгородское укрепленное поселение; сельский приход, кладбище при церкви.

Поддатень — приданный кому-то помощник, товарищ в деле.

Подзоры — спускающаяся кружевная оборка, кайма.

Подьячий — служащий государственного учреждения (Думы, приказа), помощник дьяка (начальника приказа, отдела, канцелярии); писец, письмоводитель.

Поезжане — званые гости на свадьбе.

Поелику — поскольку, по возможности.

Позорище — зрелище, представление.

Полиелей — средняя праздничная служба в церкви, когда зажигаются свечи на паникадилах.

Полоть — половина вдоль разрубленной мясной туши.

Полсть — половина звериной шкуры,

Помози — помощи, подсоби.

Понеже — так как, потому что.

Поприще — древнерусская путевая мера, равная 1,5 версты (1,6 км); место для игр, борьбы; жизненный путь.

Портик — крытая галерея с колоннами, прилегающая к зданию.

Порфир — см. комм. к с. 34.

Порфирный — багряный, пурпурный,

Посадник — выборный городской голова.

Посконный ряд — торговый ряд с дешевыми, простыми, грубыми льняными и конопляными тканями и изделиями из них.

Посконь — конопля.

Поставец — столик с ящичками.

Постригся — совершил обряд пострижения в монахи, сопровождаемый подрезыванием волос.

Посхимился — принял схиму, высшую мо-

нашескую степень, требующую строгого соблюдения суровых аскетических правил

Потребится — понадобится, потребуется.

Починки — закладка в лесу новой пашни и деревни; новая деревня.

Презорливый — высокомерный, гордый, надменный.

Прешедший — уходящий, проходящий, прошедший.

Привечать — кланяться, принимать ласково, радушно, приветливо здороваться.

Привременный — пребывающий временно, непостоянный, изменчивый, причудливый.

Присно — всегда.

Притоманный — истинный, настоящий (друг).

Притон — пристань, бухта.

Просвира — белый круглый хлеб, употребляемый в церковных обрядах.

Простыня — простосердечный, прямой; прощение (церковное); просторы, пустошь.

Пря — спор.

Препри — переспорь, победи в споре.

Псальмы — духовные стихи и песни, со-

зданные в подражание псалмам, составляющим одну из библейских книг — Псалтырь,
Пята — пятка; полпяты — полпятки,
несколько сантиметров,

Рагозиться — ссориться.

Радуница — см. комм. к с. 312.

Размирье — нарушение мира, ссора, несогласие.

Разстани, розстани — прощание, проводы, последнее свидание перед разлукой.

Рака — первая выгонка вина; первач.

Рамена — плечи.

Ратовище — древко копья, бердыша или рогатины.

Ритор — оратор, учитель ораторского искусства.

Романя — сладкая настойка на фряжском (французском, заморском) вине.

Ряса — верхняя длинная приталенная одежда с широкими рукавами у православно-го священника.

Сажень косая — русская мера длины, измеряемая расстоянием от правой пятки до кон-

ца поднятой вверх левой руки, или от левой пятки — до конца поднятой вверх правой руки.

Сайдак, саадак — комплект стрелкового оружия — лук с налучником (чехлом) и колчан со стрелами.

Сарацины — одно из древнейших кочевых аравийских племен, в дальнейшем — общее название арабов.

Сатрап — наместник правителя в восточных странах; в дальнейшем — деспот, самовольный, ни с чем не считающийся правитель, самодур.

Свежина — свежее несоленое мясо,

Свещница — подсвечник.

Свитка — верхняя длинная распашная одежда из домотканого сукна.

Сделье — сделанное, приготовленное быстро, наскоро; результат небольшой, недолгой работы.

Се — это, вот.

Секира — оружие, топор на длинной рукояти.

Сенник — матрас, тюфяк, набитый сеном или соломой сенная постель; сарай для сена,

сеновал.

Сенные девки — служанки в женской половине, горничные.

Синодик — список имен умерших для поминовения в церкви,

Скимен — львенок.

Скипетр — жезл с драгоценными камнями и резьбой, знак царской, императорской власти.

Скура — меха.

Скрынка — сундук, коробка, ларец; горшок, крынка, жбан с крышкой; жестяная стопка.

Сладить — договориться,

Смесной — смешанный.

Смоква — инжир, плод смоковницы; в Древней Руси — вяленая, сушеная вишня или слива (чернослив).

Снаряды — снаряжение, принадлежности,

Снедь — пища, еда.

Содом — беспорядок, хаос; от библейского г. Содома, разрушенного за сумбурную, греховную, непорядочную жизнь его жителей.

Сотью — в сотый раз.

Софисты — философы

Спекулятор, спекулятор — палач.

Ставка — палатка, шатер; ткацкий станок.

Стакался — сговорился.

Стенать — стонать, охать при душевной боли, плакать, кручиниться.

Степь — тень, пелена.

Стклянка, сткляночка — бутылочка, пузырек, небольшой стеклянный сосуд с горлышком.

Стогны — городские площади и улицы.

Столп — колонна, столб.

Столечник — скатерть.

Стратиг, стратилат — предводитель, военачальник, вождь.

Стязи, стяги — военные знамена и значки на конце древка.

Сулея — плоская бутылка, посуда с горлышком.

Схима — обет, клятва; монашеский чин, налагающий на принявшего его самые строгие аскетические правила и требования поведения.

Сыта медвяная — питье, подслащенное медом, или медовый взвар на воде.

Такать — поддакивать, соглашаться.

Тамга — клеймо, отличительный знак на чем-либо; пошлина, подать за приложение клейма.

Тарабарский — бессмысленный, бестолковый; непонятный; зашифрованный.

Тарханная грамота — грамота, освобождающая от всех податей и налогов; а порою — и от судебной ответственности.

Татаур — широкий пояс у бояр и священников; ремень, на котором подвешивался язык колокола.

Тать — вор, похититель, грабитель.

Тезоименитство — наименование именин, дня ангела у высоких особ.

Тенета — нить, сети, сетка из ниток.

Теорба — шипковый, струнный музыкальный инструмент с низким тембром; басовая разновидность лютни.

Терлик — длинный приталенный кафтан с короткими рукавами.

Терн — колючий кустарник, род сливы.

Тимпан — музыкальный инструмент наподобие бубна

Тиун — должностное лицо в Древней Руси,

управляющий, приказчик, судья.

Тма, тьма — десять тысяч.

Тма тем — сто тысяч.

Толичать — многократно называть, упоминать.

Толмач — переводчик.

Триклиний — столовая комната.

Триодь — богослужебные книги, содержащие песнопения и молитвы.

Триумфатор — победитель.

Тузлук — старинное украшение, которое носили на поясном ремне.

Тук — тучный, обильный.

Туне — втуне, напрасно, даром, зря.

Туск — тусклость, помутнение.

Тысяцкий — выборное лицо от каждой тысячи горожан или крестьян; военачальник; старший свадебный чин.

Тюника, туника — древнеримская белая шерстяная или льняная одежда в виде длинной рубашки с короткими рукавами.

Угобзонный — удобренный, обогащенный, щедро одаренный; гобза — обилие, богатство, достаток, урожай.

Уполох — тревога, набат, сполох.

Успение — кончина.

Устав — условие, договор, уговор; грамота, определяющая какие-то правила, порядок действий, обязательства.

Фарганы — варяги, норманны.

Ферезь, ферязь — верхняя мужская прямая неприталенная одежда с длинными рукавами и без ворота; женское платье с застежками снизу доверху.

Фиал — чаша.

Фиглярка, фигляр — скоморох, шут, кривляка, фокусник, ловкий обманщик (в цирке).

Фимиам — благовонное вещество, используемое в церквях при богослужениях.

Фляга — плоский дорожный сосуд, бутылка.

Фунт — мера веса, равная 409,5 гр.

Фурия — см. комм. к с. 176.

Фут — мера длины, равная 30,48 см,

Хари — маски.

Хартия — старинная рукопись, документ, грамота.

Хитон — древнегреческая одежда в виде рубахи (до колен или ниже) с рукавами или без них, перетянутая поясом.

Хлябь — глубина, пропасть, бездна.

Хоругвь — воинское знамя, стяг, значок на древке; в церкви полотнище с изображением святого, используемое во время церковных шествий.

Хрептуг — мешочек для овса, который привязывается к оглоблям, чтобы кормить лошадей, не распрягая их.

Хронограф — летопись; запись событий по годам, хроника.

Целовальник — выборное должностное лицо в Древней Руси по финансовым или судебным делам; давал клятву на честное исполнение своих обязанностей, скрепляя ее целованием креста.

Цырен — котел, ящик; солеваренная сковорода.

Челядь — первоначально — рабы; затем — слуги, дворовые люди, вообще феодально зависимые от князя, боярина люди.

Червень — пряжа или ткань, окрашенная в красный, багряный цвет.

Червчатый — ярко-малиновый, багряный, красный.

Чернец — монах.

Чертоги — пышные, богато убранные, великолепные, украшенные помещения во дворцах, домах или сами дома, дворцы.

Четверина, четверик — русская мера объема сыпучих тел — 26,24 л.

Четки — шнурок, нитка с узлами или бусами из дерева, кости, применяемая для отсчета молитв или поклонов.

Чиниться — соблюдать требования сословного — по чину — поведения; вести себя соответственно своему чипу.

Чли — чтили, почитали, оказывали почтение, уважали.

Шафран — южное травянистое растение, рыльца цветка которого использовались в качестве приправы, а также для окраски бульонов, теста,стряпни в желтый цвет.

Шелега, шелег — неходячая монета, бляшка для счета в играх или в память чего-либо.

Шуйца — левая рука.

Щегла — флагшток; лестница из одного бревна с вырубленными или прибитыми ступенями.

Щепетко — тщательно, аккуратно, модно, нарядно, щегольски.

Щеть — щетина.

Эпитимия, епитимия — наказание в виде продолжительного поста, длительных молитв и т. п. обрядов, налагаемое на исповедующегося священником.

Эпитрахиль, епитрахиль — часть облачения, одежды священника, длинный расшитый узорами передник, надеваемый на шею и носимый под ризой. Риза — верхняя одежда священника при богослужении; ряса — повседневная одежда.

Яко — как.

Ярыжки — нижние полицейские чины, следили за порядком на улицах, собирали налоги (земские ярыжки) и т. д.

Яспис — яшма.

Яхонт — старинное название рубина и сап-

фира.